

СМЕНА

№ 3
ФЕВРАЛЬ
1943 г.

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ • ИЗД-ВО „ПРАВДА“

ПРИКАЗ

ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

по войскам Юго-Западного, Южного, Донского, Северо-Кавказского, Воронежского, Калининского, Волховского и Ленинградского фронтов

В результате двухмесячных наступательных боев Красная Армия прорвала на широком фронте оборону немецко-фашистских войск, разбила сто две дивизии противника, захватила более 200 тысяч пленных, 13.000 орудий и много другой техники и продвинулась вперед до 400 километров. Наши войска одержали серьезную победу. Наступление наших войск продолжается.

Поздравляю бойцов, командиров и политработников Юго-Западного, Южного, Донского, Северо-Кавказского, Воронежского, Калининского, Волховского, Ленинградского фронтов с победой над немецко-фашистскими захватчиками и их союзниками — румынами, итальянцами и венграми под Сталинградом, на Дону, на Северном Кавказе, под Воронежем, в районе Великих Лук, южнее Ладожского озера.

Объявляю благодарность командованию и доблестным войскам, разгромившим гитлеровские армии на подступах Сталинграда, прорвавшим блокаду Ленинграда и освободившим от немецких оккупантов города — Кантемировка, Беловодск, Морозовский, Миллерово, Старобельск, Котельниково, Зимовники, Элиста, Сальск, Моздок, Нальчик, Минеральные Воды, Пятигорск, Ставрополь, Армавир, Валуйки, Россосынь, Острогожск, Великие Луки, Шлиссельбург, Воронеж и многие другие города и тысячи населенных пунктов.

Вперед, за разгром немецких оккупантов и изгнание их из пределов нашей Родины!

Верховный Главнокомандующий

И. СТАЛИН.

Москва, Кремль
25 января 1943 года.

СМЕНА

Двухнедельный военный журнал ЦК ВЛКСМ

№ 3 февраль 1943 г.

Год издания XX • Издательство «Правда»

В НОМЕРЕ: Приказ Верховного Главнокомандующего по войскам Юго-Западного, Южного, Донского, Северо-Кавказского, Воронежского, Калининского, Волжского и Ленинградского фронтов. Приказ Верховного Главнокомандующего по войскам Донского фронта. Передовая... Будь славен в венах. Сталинград! Рассказы Пицци, Артизан. И. ЗОТОВ. — Они будут сатирами. Письма в «Правду». — Два письма об Украине. В 58 городах наших оккупированных земель. А. БРАНДТ. — Проболочка (рассказ). Стихи о Кавказе. А. СИНОВСКИЙ. — Гладиа. И. ГРИШАШВИЛИ. — Освобождение А. СЕРАФИМОВИЧ. — Лекция (рассказ). К. КОЗЛОВ. — Изверги. Н. МОСКВИНИ. — Город-призрак. Библиография. Л. КОНСТАНТИНОВ. — Слава русского народа.

ПРИКАЗ

Верховного Главнокомандующего по войскам Донского фронта

Донской фронт.

Представителю Ставки Верховного Главнокомандования маршалу артиллерии тов. ВОРОНОВУ.
Командующему войсками Донского фронта генерал-полковнику тов. РОКОССОВСКОМУ.

Поздравляю Вас и войска Донского фронта с успешным завершением ликвидации окружённых под Сталинградом вражеских войск.

Объявляю благодарность всем бойцам, командирам и политработникам Донского фронта за отличные боевые действия.

Верховный Главнокомандующий

И. СТАЛИН.

Москва, Кремль. 2 февраля 1943 года

Будь славен в венах, Сталинград!

Большая битва за Сталинград, длившаяся более полутора, закончилась блестящей победой наших войск. Красная Армия сначала эвакуировалась в тыл, а потом и разгромила на головном направлении не только покорить славный инициатор города Сталинград, но вскоре за тем захватить Саратов и Куйбышев, обойдя с востока столицу советского государства — Москву.

Чем больше мы отдаляемся от знаменательного дня 2 февраля 1943 года, когда войска Донского фронта полностью завладели окруждённой немецко-фашистской армией, окружённой в районе Сталинграда, тем глубже и все более осознаём мы великое историческое значение этой державной победы.

Изданная во всех странах мира вершиной военного искусства считалась маэстрою окружения более сильного противника, который был проповедан из замечательнейших полководцев древности — Ганибоналом. После Ганибонала ни одному военачальнику не удавалось в полной мере повторить такой маэстро. Аминь землемер! Согласно сражению 1870 года, закончившемуся капитулацией 80 тысяч французских солдат пруссаков 400 полевых орудий, некоторые военные историки склонны были рассматривать как операцию, поскольку приближающуюся к той, которая была проповедана Ганибоном. Но в какое сравнение может идти битва при Седане с эпопеей Сталинграда, которая будет снять в веках?

Незадолго до кончине генераломинистерством говорили: «Я честно роюсь в своей памяти и пытаюсь вспомнить, чтобы вспомнить, что такое было в мировом прошлом. В битве за Сталинград побудила верхнюю германскую армию, сосредоточенную в этом районе. Если мы обратим свой взгляд на историю Германии, то мы не сможем найти и там примера такого поражения германских войск. Гитлер поставил рекорд. Ни одна не только сокрушительный удар простирали Гитлером как военного руководителя. Это победа русских легендарна по неподобающей германской армии. Эта победа русских не поддается оценке ее только в России, но даже в Германии».

Немцы были остановлены под Сталинградом еще в сентябре прошлого года. В течение четырех месяцев гитлеровская методика изматывалась южнорусской стойкой обороной наших войск. В это время Верховное Главнокомандование Красной Армии подготовило тщательно продуманный план сокрушения врага. Когда силы немцев были истощены полностью поправлены, сталинский план окружения и уничтожения фашистских войск был приведен в действие.

19 ноября 1942 года части Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов перешли в наступление. В заснеженных селах на постулах к Сталинграду и в районе среднего текущего Дона начались бои сильные наши пехотинцы, танкисты, кавалеристы. В антиподнейской окресточной битве Красная Армия не только двинулась вперед сердечное поражение, но и успешно осуществила стalinградскую операцию окружения железному колыблю 22 немецких дивизий.

10 января 1943 года вновь началась по приказу Верховного Главнокомандования, приступила к генеральной атаке окружённого противника. Двадцать три дня велась захватывающий этап исторической битвы. Войска Донского фронта беспрепятственно выполнили поставленные перед ними товарищем Сталиным задачи: никто не ушел из 330-тысячного часового фашистского воинства. Наши захватчики 91 тысяча пленных, в числе которых 2500 офицеров и 24 генерала во главе с фельдмаршалом Паулюсом. Тридцать генеральных наступления наши войска вязли огромными трофеями: 750 самолетов, 1550 танков, 6700 орудий, около 82 тысяч автомашин, 90 тысяч винтовок и множество другого военного имущества.

Поступки к Сталинграду и сам город превратились в огромное кладбище немецких солдат и офицеров, в кладбище германской техники. Так хвальена бя немецкая армия стала армии мертвцев.

В первых рядах мужественных защитников Сталинграда, в первых рядах наступающих войск были комсомольцы. В жестоких сражениях покоряли они себя похвалом славой. Мы никогда не забудем их, честных, смелых, благородных молодых воинов. История сохранила за ними почетное звание «сталинградцы», а наш народ — вечную привлекательность и благодарность.

Советский народ воистину был народом уверенности в грядущей победе над злобными врагами. Он был уверен в этом в дни тяжелых испытаний и премьерных поражений, он был уверен в победе в дни начавшегося под Сталинградом генерального наступления. Он уверен в этом сейчас, когда в результате наступательных наших войск на большом пространстве разворачивается вражеский фронт. Наш народ знает, что впереди еще не мало жестоких бит, что борьба будет трудна и кровопролитна. Но он с уверенностью смотрит в грядущее будущее.

Под руководством Верховного Главнокомандующего товарища Сталина мы пойдем вперед и только вперед, и мы разгромим немецких оккупантов и изгоним их из пределов нашей родины!

Двадцать шесть и одна

Их было двадцать шесть мужчин и одна девушки, как в рассказе Горького, и шли они по тем же крымским тропинкам, где когда-то бродила великая писательница, но никто из них не думал о литературных землянках. Они были партизаны и шли на выполнение важного задания. С утра май дождь, размыл дорогу, и приходилось всё время смотреть под ноги.

Много километров прошёл отряд: размозжил грязь, на которых налипала грязь, казалось будоража, но девушка не отставала от остальных. Впереди предстоял бой, и Гали Гаррина не терпелась самой встретиться с немцами, своими руками убить хоть одного.

Как она ненавидела их! Они захватили родную Украину, разбросали её семью. Где теперь шесть сестёр Гали? Она ничего не знала о них. Аени и Настя мечтали послужить в Киевский институт. Где они? Небось, тоже партизанят. Не будут, но смогут сидеть сложа руки лучшие комсомолки из колхоза «Большевики», что на Полтавщине. А может, уже прославились своими подвигами?

* * *

Узкая тропинка вывела к щоссе. Здесь отряд разделился. Партизаны залегли в придорожных кустах. Последними вперед разведчики установили мины и вернулись обратно.

Ждать пришлось недолго. На щоссе показалась легковая машина и три грузовика с немцами. Наткнувшись на мину, подорвалась головная машина, свалилась под откос грузовиков. Выскочившие немцы открыли беспорядочную стрельбу из автомата. Партизаны стреляли наизборь, снимая одного немца за другим.

Гали выбирала себе цель, когда рядом раздача стоц. Она видела, как упал наизборь комсомолец Саша Колчич, и бросилась к нему. Пули систоли вокруг неё, но девушка, не замечая их, прибралась к товарищу.

— Саша... Сашенька, — звала она, подползла. — Держись, мишик, и сейчас...

Колчич не отвечал. Подобравшись к нему совсем близко, Гали поняла, что помощь не нужна. Гали оттащила ходившее тело товарища в сторону и только тут вспомнила о стоянке. Кто же стояла?

Горят под ногами фашистских оккупантов крымская земля. Скользят под откос скосты, волноят на воздух штабы, рушатся мости, корчатся в предсмертной агонии взорванные партизанской группой немецкие гробилки.

В горах и лесах, в селениях и на дорогах сразу же после прихода немцев начали действовать партизанские определы.

Крымским партизанам приходится бороться в очень тяжёлых условиях. Но одна мысль, что там, на большой земле, день и ночь идёт кровопролитная битва с фашистским зверем, в которой принимает участие весь советский народ, вливает новые силы в изуродованное тело партизан, наполняет их седла смелостью и отвагой.

Молодые партизаны Крыма показали себя в этой непрекращающейся ни из минуты в минуту борьбе полными советскими патротизмом. Они отправляются на самые опасные участки, настыльчики неслыханно дерзких разъездов и диверсий. Суровы часы испытаний они переносят мужественно, как закалённые в боли воина. И если кто из них побогает, то на смену ему приходит десятки новых. Они несут в своём сердце пламя неугасимой ненависти к врагу, посыпающему на их молодость, на их счастье и свободу, на вселение завоевания Октября.

Крым живёт, Крым борется, Крым непобедим. Не помогут немцам сильные гарнизоны, «прочёсывание» лесов, босальчевые глумления над побиженными храбрецами. Партизанская пурга, партизанский кикимор, партизанская граffiti склону всегда будут, всюду настигать фашистских цехов.

63 крупных сражения выдержали крымские партизаны за прошедший год. По самым скромным подсчетам, за это же время они устроили тысячи диверсий автомобили с горючим, боеприпасами и вёсками противника, сто обозов, взорвали двадцать семь мостов, пущены под откос два милюона, изобретено около двадцати тысяч обманок, совершенно сорок налётов на крупные гарнизоны немцев, подорвано множество складов, водоканалов, мельниц. Немецко-румынские оккупанты живут на вулкане. Горят под их ногами крымская земля, и уже недалёк тот час, когда огненная лава народного гнева сметёт захватчиков с нашей земли.

Тут она увидела, что ранен был старейший партизан в отряде — Галота. Денушка бросилась к нему на помощь. Поддавшись своей страсти, она помогла тяжело ра-

некому оползти в сторону, под прикрытие. Она сделала ему первую перевязку.

— Зачем?.. Оставь, Гали? Всё равно... конец темперь... — шептал Галота, но девушка не слушала его.

Пока партизаны продолжали бой, девушка, измывая ослабевшее тепло старика на плечи, двинулась к лагерю. Теперь было видно трупней. Девушка задыхалась. Но гибель дрожала от неподыльного напряжения и то и дело скользила — она должна была поминутно остановливаться.

— Гали... оставь... брось меня! — прерывистым шепотом умолкала Галота; у него были прострелены грудь и лёгкие, он глох воздухом широко открытым ртом, как рыба на сушке. — Всё равно конец... Иди сюда...

Гали не слушала его. Так она прошла больше километра, пока её не нагнали мужчины, несущие тело Саши Колчича.

Добравшись до лагеря, Гали устроила тяжело раненого в землянке, сделала ему мягкую подстилку из хлора, промыла рану. Состояние раненного было очень тяжёлым. Он бредил, отрываясь от сна.

Много ночей просидала она у изголовья больного, с тревогой прислушиваясь к его тяжелому дыханию. Галота стал для неё ближе родного отца. Ни кто не беспо-

...Девушка, измывая ослабевшее тепло старика на плечи, двинулась к лагерю.

кошко ёт так, как сознание собственного бессмыслица. Чем она могла помочь больному??

Галия вспоминала всё, чёму их учили на курсах, и в отчаянии разводила руками: Ну, как достать лекарства среди лесов, где даже кусочек бинта был большой редкостью?

Через несколько дней в землянке появился новый больной. Галия поняла: сидеть на месте нельзя. Если нет лекарств, надо их добывать.

Приготавливая обед, она не раз находила в аду дух дикий чеснок. Что, если давать больным побольше зелени? Шиповник содержит очень много витаминов, а витамины помогут быстрому выздоровлению.

Лесная академия

Хорошие девушки есть у нас в отряде. Взять, например, Екатерину Камардину. У нас все зовут её «Катя-партизанку», а старики добавляют ещё «доченька», «доченька».

Её не зря считают лучшей разведчицей: в самые опасные места, где на каждом шагу кроулумы смерти, прибирались нагнаша Катя. Она узнавала, где расположены неприятельские гарнизоны, численность их, где спрятаны запасы горючего, как проникнуть в лагерь воинов-пленных. Это она с группой боевых ребят устроила побег сорока пленных красноармейцев.

Но попробуйте расспросить её об этих делах. Никого не выйдет. О ребятах она охотно рассказывает: о Яше Соколове, который один сдержал взвод «мамальжников» (так у нас называли румын), каким образом Володе Козловскому, который, спустившись с гор в селение, наткнулся на спящего офицера, но не убил его в хате (этим он обреёсё на гибель все селение), а терпеливо дождался его на окраине; о пулёмётчице Семёновой, который один... Впрочем, тут ей придётся сказать о себе.

Сто сорок румын лежали на высотку, где залёг Семёнов со своим пулемётом.

— Сдавайся, рус! — кричали они ему.

Молчал Семёнов, а как подойдут врачи поближе, полоснет из пулемёта — и нет десантника «мамальжников». Никак не могли румыны понять, откуда у него только патроны берутся. А это Катя ночью, подъём, через цепь врагов подносил ему пулемётные ленты.

В both за Баксан напут Катя ринула в ледяную ногу. Командование решило исправить раненую на «большую землю», Катя наотрез отказалась ехать.

— Не брошу свою академию, — сказала она.

— Что, что? Какую академию?

— Ассюю... Это я так наши край партизанский называю. Ну, скажите, чем это не настоящая академия??.. Неуже Тимирязевской??..

Мы знали, что до войны Катя была секретарём Карабусбазарского райкома

Галия нашла в лесу много лекарственных трав. Одни она высушивала, из других приготовила настой. Скоро её землянка стала напоминать лабораторию: на стенах висели аккуратно перекрещенные пучки трав, на подоконнике выстроилась коллекция разноцветных бинтов и пузырьков с этикетками:

«Белоголовник — при сердечных болезнях»,
«Настой из хвоя и дубовой коры — при количественном болезнях».

Партизаны вначале посмеивались над Галией.

— Лекарь, пекарь и аптекарь, — говорили они.

Но когда больные начали выздоравливать один за другим, шутки прекрати-

лись. Всобщее ликование наступило, когда встала Галота.

— Ты меня для раза из пасти смерти вытащила, Галия, — сказал он. — Когда несёшь, и здесь, когда прилечешь... Уж не знаю, чем отблагодарю тебя...

Но лучшего благодарности было для девушки то, что счастливые ѿю люди сносили в бои. Шестнадцать человек вынесла она с поля боя, выходила, вернула в строй. Самоотверженная работа комсомолки-санитарки была высоко оценена командованием, награждена Галину Гаврилова орденом Красного знамени.

— Лечить людей и научилась, — говорила Галия. — Теперь и хочу научиться убивать немцев. И научусь. Обязательно научусь!

— Ничего, доченька, — успокаивали её партизаны. — Мы ещё лучше сяды вырастим. И будешь ты, Катя, главным агрономом всего Крыма.

— Сколько ешь сделаете нужн!! — замурчала сказка Катя. — Ведь мы только начали свою работу по реконструкции природы. Взять, например, перекоп. Почему он только на юге растёт? Разве на севере дети его не любят??.. Обязательно на севере будут расти перекопы. И мандарины и гранаты...

Лицо Кати преобразилось, на бледных, запавших после той голодашки щеках появились румянец, глаза засверкали, словно она уже видела все эти прекрасные плоды. Она говорила с Мичурином, называя его ласково-фамильярно «нашим стариком», о чудесах, которые превращались изнутри в тамбовских садах, о яблоках с головой ребёнка и винограде, выращенном под Москвой.

— Когда ты будешь начальницей всех инженеро-мандариново-блочных пансионов, ты меня не забудешь, Катя? — спросила един из молодых партизан.

— Не забуду, конечно. Никого не забуду... Никого... — последнюю фразу она произнесла тихо, Катя вспомнила свою подружку и помощницу Клаву Юрьеву.

Хорошая была девушка Клава, в двадцати сражениях участвовала бол о бок с ними, а какие песни пела задушевные... Саша Сидяченко, её лучший друг, выбыл на камни, на морчинах, слова из любви моей песни Клавы «Жалко только волошок во зелёном позонике, солница на небе да любви на земле». Твёрдый был камень, но руки у Саши еще тверже: вдавливать волес румын он истребил ими только в схватках рукопашных. За три дня землянка надпись, а потом опять в бой пошла, время потерянное изверстялась.

— А в честь Клавы я особый сорт фруктов буду выращивать, — заканчивает Катя, и в глазах её светится холодный огонь. — И назову его — «Партизанским»!

М о с т

Мы сидели на берегу моря. Волны одна за другую набегали на пыльный берег и, шуршали галопом, отступали обратно. Было хорошо курить душечную махорку и, отыскивая после каждой «работы», неспешно вспоминать разные истории из жизни.

Старая спальня закончила рассказывание старую романтическую легенду о гордом орле, который разбросал по ветру свою гнездо, когда подмыл змеи ногами на скалу, где он жил.

— Красивая сказка, — задумчиво сказал высокий худощавый партизан Андрей Бережный, которого в отряде звали лейтей Аандрионом, до войны он был второгом кримского колхоза. — А об нашем орле сашкили? О Ване Суполкине.

Он кинул на прикорнувшего в стороне молодого партизана и начал свой рассказ:

— С Ваней Суполкиным я знаком давно. Окончив Ленинградский автомобилестроительный институт, он приехал к нам в Крым, чтобы помочь в восстановлении нашей работы строителя. Был уже членом райкома комсомола, он частично привез из моих колхозов проводить беседы и читать лекции. Долго рассказывал, какими путями трофеями мы пришли сюда. Скажу коротко: судьба нас свела в одном партизанском отряде.

Вначале я не особо верил в Суполкина. Но уже в первом бою Суполкин отличился, выдержав с двумя десятками ребят несколько атак румынского батальона и отбивавших их отступающих «зимбалников». Врага боя был тогда капитаном комиссии отряда. Облизавшись кровью, он упал на трезуб. Это заметили румыны. Они начали подползать к комиссару, чтобы захватить его живым. Комиссар попробовал приподняться, но так слабы были его ноги, что снова упал, раскинув руки. И тогда на выручку бросился Ваня Суполкин. Он наезжал из своего пулемета на врага, склоняясь к ближайшим румынам. Остальные солдаты ревновали его. На руках вынес Суполкина Андрея Бережного отрядом комиссара с полом боя.

Однажды нам дали ответственное задание.

— Вот и по этой части работа напала, Ваня. Только вроде как бы твой професия наоборот получается не спирнуть, а разрушать придётся. Надо взорвать мост.

— Мост? — переспросила Суполкин с удивлением, почти с изумлением.

— Да. И звонки солдаты, кажется, Премяется побольше взять взрывчатки, инженер.

Суполкин, не говоря ни слова, отошел от меня. Занимался приготовлениями, и не заметил его состояния.

Вечером мы вышли из лагеря, нагруженные взрывчатыми веществами. Дул осенний, холодный ветер. Шумело море. Когда мы вошли в лес, стало совсем темно.

Под ногами светились трухлявыми почвами. Они же рожки звезды были одинаковыми нашею освещением. Непонятно, как находила дорогу щедшаяперед Суполкини.

— Не собьешься с пути, Ванюша?

— Нет. Я эти места помню.

— Отлично, что ли, здесь?

— Ну... Отдыхай... — и Суполкин задохнулся.

Вскоре мы вышли к щесочке. Цель была близка. И хотя мы прошли не один десяток километров, несли на спине взрывчатые вещества, все забыли про усталость. Сделали при越来.

Посланный на разведку Шмелёв вернулся через несколько минут.

...Раздается взрыв, от которого дрожит земля вокруг. Мост взлетает на воздух.

— Ну, как? Часовые есть?

— Одни были, — сказала Шмелёва, засовывая книжку в ножны. — Никто не помешает.

Мы потихоньку спускались с щесочки в ассоциации, и вот у нас над головой чернел длиннопролетный мост. Ни нему беспрерывно вились машины, везущие румынских солдат и боеприпасы. Взорвав его, мы пересекли важнейший щесечий мост.

Моя ребята быстро заложили шашки, соединили шнурки. Заплахи находятся в руках Суполкина, человека, который лучше всего знаком со взрывным делом. Но почему он сегодня возится так долго?

В темноте трудно разглядеть, что делает Суполкин. Мы лежим в канаве, ждём взрыва. Проходит долгая минута, вторая, третья... Суполкин:

— В чём дело, Ваня?.. Почему нет взрыва?

— Н-и-не..., могу, — с трутом выговорил он. — С-сами... подожгайтесь, лади Андрюша.

— А-а-а! — ругнулся я, бера запал и чувствуя, как дрожат руки Суполкина. — Инженер. Гимназистка, пот кто!

Наконец шнур горит. Мы лежим в канаве, наблюдая, как змеяя огня подскакивает всё ближе к мосту. Наконец раздается взрыв, спящими взорами, от которого дрожит земля вокруг. Мост взлетает на воздух. Надо уходить...

Быстро скрываемся в лесу. Теперь истина хотела. Хочется петь от радости, что задание выполнено. Но тут я вспомнил Суполкина. Он идёт впереди, молчаний, осунувшийся.

— Ну, как, инженер, дела? Сердисься?

— Дядя Андрюша, ведь моя это горо-

ни первый... Сколько ночей не спал, когда строил его... Всем народом поднимали... Комары езят, а мы костры жжем... С музыкой отрываемся...

Я не明白了, что сказала тетя Ваня. Трудно было угадать, угрожает она первому летину, которому отданы бесконечные ночи, младая деворца, вся душа. Пробовала рассказать ему об убитых и замученных детях и стариках в селених Лажи. Сказала, какие дороги и мосты мы построим, когда выкупимся из Крыма последнюю фашистскую гильню...

— Зачем ты это говоришь, дядя Андрюша? — спросила Суполкин. — Разве я не понимаю? Сердись-то и всё понимаю...

Но после того случая ни разу не дрогнула рука комсомольца Суполкина. Фашисты начали восстанавливать мост на второй же день. Танкетики патрулировали дорогу. Но Суполкин снова заминировал её и подорвал, машину в йе содралась. На третий день иностранные патрули возвращались, машину взорвало еще 8 румын. И как патрулировали захватчики дорогу, как обстреливали в слепой прости придорожные кусты и камни, инженер-комсомолец вставал им на пути. И взлетали в воздух машины и мотоциклы, гибли немцы и румыны...

Иван Суполкин, словно почучия, что идёт разговор о нём, открыл глаза и спросил:

— Не пора ещé, дядя Андрюша? Сини, сини, срёблю... Я тогда разбужу... — и добавил шепотом: — Сегодня мы идём на бой, засаду.

Дядя Андрюша рассказал о новом отставании им задания, которое предстояло выполнить в назавтра отряду. Мы бы с удовольствием рассказали о нём, но о дяде партизан принуждены говорить только тогда, когда дело сделано, а те, кто сделали, дадеко от места происшествия. Поэтому о нём — в другой раз.

Они будут сапёрами

Н. Зотов

Этого дня бойцы ждали с нетерпением. Теория, конечно, нужна и обязательна, но испробовать всё самому, увидеть силу фугаса своим глазами — великое дело. И вот изменился воинственный З-го ранга Мудрагов.

— Согласен!

Подготовление вышло в поле. Под ногами кружили промерзающие стебли тощего кустарника. Кругом, куда ни бросишь взглян, простиралась озябшая холдином солнцем равнина. Кое-где лежал только что выпавший первый снег.

У всех приподнятое настроение. Впереди шагал монтер Шербаков. Бережно и даже торжественно нёс мешочек с толом. За ним двигались его друзья Тимиревский и Голенищев. Посреди поля стояла кашевальная машина, из неё проводил машину в руках у Лапинского подъёмная машина «ПМ-1» и малый омметр — камарный прибор, служащий для измерения сопротивления паровой сети в полевых условиях.

У образистого оврага остановились. Лейтенант, руководивший занятиями, приказал готовить подъёмную машину и склад. Там первое изложение должно было последовать взрыву. И мигновение это пришло. Алексеев прыпал в действие взрывов. Земля дрогнула и зашаталась. Высоко над землёй поднялся столб дыма и огня. Гротох прожатился по равнине.

Никого не осталось, секретарь комсомольской организации Алексеев подключил конек проходника к омметру.

Стрелка замаячилась. Все одобрительно переглянулись.

И вот, когда провод подключили уже к машинке и все было готово, послышалась команда:

— Взрывай!

Бойцы, катаясь лыжами, смотрели вдаль. Там первое изложение должно было последовать взрыву. И мигновение это пришло. Алексеев прыпал в действие взрывов. Земля дрогнула и зашаталась. Высоко над землёй поднялся столб дыма и огня. Гротох прожатился по равнине.

* * *

Бойцы воспользовались следующим своим свободным днем, чтобы как следует потренироваться в ходьбе на лыжах и, главное, на практике познакомиться с действиями сапёра-подъёмника в разлётке. Многие явились на занятия с собственными лыжами.

Первой отправилась в разлётку четвёрка бойцов: Валентин Митрофанов, Константин Лапинский, Пётр Чирков и Владимира Кубебяки. Старшим разлётки командир подразделения Хорунжий назначил Лапинского: он отличник учебы, а движение — преосвященный.

На подъездах к пункту Н, по данным разведки, — сказал командир, — находятся «вражеские» взрывы. Присыпаемо: скрыто и тщательно разведем полстуком к взрыву. О результате доложим в разлётку в 14.00. Исполнайте!

Лыжники тронулись в путь. Погнали направо, по дороге.

— Назад! — крикнул командир, и в голос его чувствовалось недовольство.

Разведчики вернулись.

— Где же скрытие?

Слова довинились в путь, но на этот раз уже не по дороге. Пробирались по лесу, открытое места старались обходить, перебегать, полны по-одному, как можно быстрее, прыгнувшись.

Прошло полчаса. Сделали короткую перестановку. Снова лыжку и снова пошли. Слег быст и глуко, лыжи скользили хорошо. Позади остался розовый след. Ещё полчаса прошло. Лес стал заметно редеть. Лыжники, зорко осматриваясь, краине дороги.

Вторым взялся за работу рослый, атлетического сложения боец, комсомолец Лапинский. Он ловко, словно делал это множеством раз, спасал горячонку на лежащем в снегу брасле сучков, а затем приложил к лерсу желтоватого цвета шашечку толки, привязав её к стволу тонким шнурком.

Всемирно наблюдал бойцы за действиями товарища. О том они знали многое.

Помимо, например, что это очень интересно и скучно. Но в то же время, когда бойца проштрафят пуль, воды, огня и взрываются лишь при температуре от 220° С. Такие свойства взрывчатого вещества, особенно в боевых условиях, крайне дороги.

Вторым взялся за работу Деда Толчакова. Он принял шашечку к немыслимой све-

м. Морозы были пока ещё сильные, и небольшая яма, через которую прокопалась тропинка, изнутри покрыта снегом бурого, был еще полна сточной воды. Только вдоль кромки ямы вилась хрупкая полоска льда. Борис Ребров, вставив в обернутую плотной бумагой шашечку электродетонатор, опустил её в потухшую яму. Толчаков, с винтовкой в руках, поклонился в прокопанную им в полуметре глубиной ямку Митрофанову. Грунт был твёрдый, и отрывать лунку стояло большого труда.

Когда был электродетонатору был подключен провод к Митрофанову, заскочил фугас земли. Вскоре электродетонаторы вставили и в две другие ямки. Соединили их между собой проводником. Это была магистральный проводник, щёкий, чуть приподнятый шнуром, который проплынулся к стации, и, когда у подголовниках к вариву точек,

риваясь по сторонам, замедлил движение, а потом стала прыгать по-пластинки. Это было кстати: подъёмка взорвалась на галлюсе, показалась человек с ампулой: он медленно прохаживался залы снежного холмика. Вдалеке высыпалась живые строения. То был пункт Н.

Разведчики подобрались блоке к холму. Сомнений не было: безобидный, казалось бы, холмик был замаскированным дзотом.

Бойцы находились у дзота с запала. Примо из них из экипажа в снегу чёрного отверстия амбразуры смотрел стаканчик пулемёт. Две амбразуры разделяли разведчики по колюхом. Там, вероятно, находились ручные пулемёты Сираа от холм в метрах в 30, там же лежало оружие. Видимо, привлечь за ними можно было подобраться к дзоту с посторонней стороны и в нужный момент взять под обстрел выход из дзота, что значительно облегчило бы подрывание стаканчик отверстий.

Их киевы, где лежали бойцы, двери дзота, конечно, не было видно, но что там находятся, выход, будущие сапёры-подъёмники знали твёрдо.

Лапинский, назначив старшим Чиркова, попросил с Митрофановым сяди и ровно на 14.00. Чирков и Кубебяки, сообщив о результатах предварительной разведки. В это время Чирков и Кубебяки, оставшись у дзота, установили по приметам расположение минных полей «противника» и время смены часовок.

Разведка прошла успешно.

* * *

Сложна, но исключительно интересна профессия сапёра-подъёмника. И молодые бойцы комсомольско-молдавского спецподразделения Всесоюзной Октябрьского района Архангельска изучают эту специальность с увлечением.

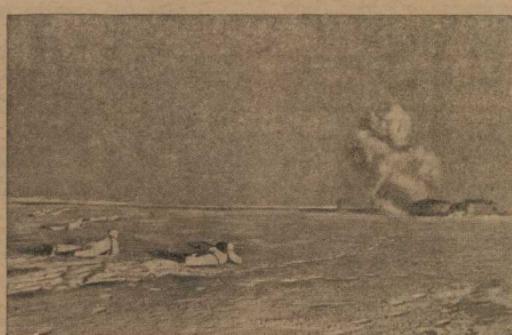
Много приходится работать с книгой, краеведом, разбираться схемы устройств подрывных машинок, приборов, мии и флагов. Будущие бойцы знакомятся с особенностями подрывания дотов и дзотов, металлических и деревянных мостов, каменных сооружений и железных дорог, изучают постановку минных полей и уничтожение их.

Всё это заслуживает в этом отношении заслуженного похвального спонсора — воинскому З-го ранга Мудрагову.

— Помогите: подрывники не должны ошибиться: дозволят оплошность — побег, — часто говорит воинскому З-го рангу Мудрагову.

Командир спецподразделения Хорунжий учтывает своих людей не только в боевые, но и в походе, в лесу. Он требует от них, и поэтому усердность высока. Будущие сапёры-подъёмники изучают не только специальные дела: они в совершенстве владеют языком, знаками с основами геометрии и сейчас готовятся стать и искусствами языка.

Это будут настоящие специалисты-воины, Архангельск.

Так евреи минёры — героические сталинградцы — разминировали немецкие минные поля для прохода наших частей. За минёрами — паехота и уничтожала окружённого врага.

МОСКВА, "СМЕНЕ"

Два письма об Украине

Чем ты отомстил?

Вчера я встретился с одним незнакомым мне красноармейцем. Он показался мне украинцем, а я всех украинцев спрашивала, из какой они области, не земляки ли они мне. Спросила я и этого:

— Из какой вы области?
— Из Тамбовской, — ответил мне незнакомый. — А вы из какой?

— Я из Сумской.

— Знаю я Сумскую область. Воевал там...

И я как-то тронулась, с нетерпением спросила:

— А где вы тем воевали?

— Забыли уже называть деревеньки. Но помню, как сегодня, деревни Александровку, Михайловку и еще город Лебедин...

— Как?.. Всю там воевали?! Конда? В Александровке я родилась, в Лебедине учусь...

— Дело было давно, кажется, двадцать пятого сентября сорок первого года. Мы отступали. За рекой Псёл заняли оборону и сдерживали патрик зрага семь дней. Много мы уложили там фашиз и фрицевских машин. А через семь дней мы пошли в наступление.

— И дамаско его тогда отогнали? — вновь спросила я.

— И уж все подсобные рассказы, если вы так интересуетесь... — продолжал мой новый знакомый. — Помни, солдаты уже отступали, когда мы начали наступление. Немецкая ополчка к Александровке Фрицы пришли, чтобы мочить наших боярек. В Александровке наступили десантники пехоты, воины боярки и перед уходом стали истреблять «большевиков». Они согнали всех, от старого до грудных детей, в зданию, в котором раньше была сельский совет, и там спросили: «Кто коммунист?»

Все мочачали. Тогда офицер закричал: «Они все коммунисты! Все большевики!»

И в несчастных крестьян стали стрелять немецкие автоматачики. Многих в толпе скосили пули фашистов. Другие бежали, но и этих настигала смерть.

Большая группа фашистов в это время поднялась деревню.

Три раза мы переходили в атаку на немцев. И лишь во время четвёртой атаки мы побеждали врага. И когда мы вошли в деревню, я видел десятки групп. Были там и старые и юные. Мы встретили одну девочку лет шестидесяти, она рассказывала, как немцы забрасывали гранатами спрятавшихся в норы во всеми возможными способами. Одна из них отшиб у женщины грудного ребёнка, расстреляла его у матери на глазах, а потом и матери прострелила руки и ноги. Многое еще рассказывала эта девочка, но всего не запомнила.

Потом нам пришлось отступить. В Лебедине я был ранен.

...Вскоре я рассталась со своим новым знакомым.

Говорил он мне о Александровке, а я мне бушевала неизмеримая злость. Я видел перед собой трупы знакомых и близких людей, видел сожжённое родное село. Я поклялся отомстить за все убитых и разбомбленных.

Мне интересно, земляки знаешь ли ты об этом?

Что ты фанатистом отомстил?

Если ты не искался в тылу, помоги мстить нам, пожалуй,

за Александровку!

То, что я узнал вчера, зовёт к возмездию.

Пишите мне, кто чем фашистам отомстил.

Алексей Антощенко.

15-я полевая почта,
часть 101.

Сбудутся наши мечты!

Киев...

Я помню тебя, каким ты был в первый день войны, и помню эту страшную ночь.

До момента тех, кто молчал Октябрь, взрывы авиабомб, гул чужих самолётов и рикшающие по небу лучи прожекторов не могли дойти иначе, как учебной тревоги, учения. Иначе не понималось. Громко произнесенное слово «война» не могло тогда рассказать нам об обоях горя, крови и смерти, о том, что помешают нам в группе ненависти. Слово «война» еще не упражняло молодости, радости твоих, мечтам твоих и надежд.

Вспоминаю напряжённые дни, тревожные ночи.

В комитете комсомола, в районкомахах, на звяконуках — везде, где только они нужны, комсомольцы.

Стой у окна, прижимая горячие щёки к стеклу, смотри на почтовую, по-неприняточному темный Киев и думай о нас всех.

Он много лет общался летору, просыпая строгим по лыжным учителям, пока всегда чуть-чуть нахмуренный отец.

Мать. Мама... Дорогая, добрые. Колы-то батрачка, учителяница теперь, ты радовалась, глядя на своих детей. Хорошие они у тебя, мать!

Кудрявый красивый лётчик Алексей. Хорош у тебя сын, у меня брат, мама!

Миша. Ты плакала, мать, по нам! он побеж и у тебя привлекал много солдат. Но и скользь слёзы глаза твои блестят гордостью за сына-героя, балтийского моряка, что всем своим сердцем русским любил нас с тобой, мать, и родные моря своей родины.

Вспоминаю, как провожала на кг друга Юрия — штурмана авиации. И помнится его последние слова: «Знаю, что ты не

бушуй здесь сидеть. Знаю, что уйдешь в армию. Не дали, гады, окончить тебе университет».

Простите мне, товарищи из Ленинского районоокомата Киевского комитета партии, что вижу вскоре моим, но я страшно хочу увидеть Красную Армию. Категорические отказы и открытое заявления меня не удовлетворяют.

Меня не взяли на политработу, и я начала быть младшестройкой. Может быть, я была плохим «мё», но была, говорит, неплохой сестрой. А синяки мне подружились на политработе, и скоро я стала политруком в госпитале.

Как много можно рассказать о моих новых друзьях — боевых, командирах, с которыми dealась я всем в эти боевые дни!

Вот боец А. Казакий день после полтиннформации он подходит ко мне и долго рассказывал о своем заводе, о девушке любими, о друзьях.

А украинец К.: «Товарищ политрук, ну что ци ликари мени — то ложи, то не ходи. Ну скажи им що-нибудь!»

И говорили вратам, сестрам. Но как их убедить? Как убедить в том, что красноармейцу Ф. стало легче не от того, что он уснул ровно в одиннадцать, а от того, что рассказал своему товарищу — девушке-политруку — о своих сыновьях, жено и маленьком уютном домике, что стоял в Алтайском крае, от того, что мы решили завтра вспомнить письмо, которое написано было от отца Ф. Федорова? Как убедить им, что первозоровский майор К. необходимо было ночью разыскать политрука, который уже несколько дней делал осторожные попытки узнать пропажу странного позведения майора. И он очень-очень хотел увидеть девушку-политрука и рассказать о жене, которая не хочет ждать его.

А вот девушка-политрук увидел у краю другого раненного, внимательно слушает и в глубоких-глубоких тайниках души своей ищет самые нужные слова, чтобы рассказать бойцу А., как крепко и горячо любят его любимицы, чтобы вместе с ним потосковать об Украине, ее виноградных садах, о Днепре, да там потосковать, чтобы у бойца засорилась душа жаждой мстить за то, что Днепр стал шире и темнее от слиз и крови народа родного, за изломанные сиды украинские, за выплаченные слезы матери спаси, за разрушенные города и села.

Надо найти нужные слова, чтобы уснуть спокойно майор К., скаж в своих руках руку товарища-политрука, по-детски болясь потерять эту руку (это ничего, что я, может быть, моложе лет на пятнадцать). Надо запоминать единственное

слово, которое я могу сказать на языке Ахмедова, и оно должно быть сказано так, чтобы вспомнилась Ахмедова его ролик и захотели крепко обнять старуху-мать, но не раньше, как убьет он немца, чтобы дружила, умоляя ему, как девушки-помощницы, сказав: «Кинди, Ахмедов, якши!»

Советский фронт. * * *

Работаю помощником начальника комитетской по работе среди комсомольцев. И сколько я могла бы рассказать о комсомольцах моих, о замечательных, молодых, прекрасных в своей любви к родине, об умных отдавших ей все, берегущих имя высокое — имя комсомольца — и ненавидящих зверя — трага! Могла бы рассказать о самоотверженной работе медсестер Поли Колленко, Юли Стасек, Поли Рыбак, о заслуженных и получивших награду правительства медсестер Бахтизировой и Костиченко, называть многое имён, написать не одну книгу!

Мы такие вошли в эпоху — старые, прослесе. Сердца наши научились ненавидеть. А любить как умеем родину, Украину!

Знаешь, дорогая редакция, мне иногда очень хочется помочь письмо — простое, а потому контроверзное, письмо от матери или от старого друга — Глазки, с которой боролась в военном прошении на фронте, или письмо от брата.

Еще слово о сестре. Когда я произношу его, я думаю о моей Украине, о Красной Армии, когда каждый из моих друзей и родных рассказывает о себе, дескать, сестра. Хороши ли морилом был Григорий? А Славу, которая писала письма о любви к родине, мы спросим, сколько немцев он убил. Я думал, как кирлич к кирличу мы будем отстраивать разрушение... Я думал, как защищут кампании...

Дорогая редакция!

Я пишу, может быть, не совсем то, что нужно. Но что поделать? Когда хочешь, многое сказать, обязательно придется сказать главное. Вот, например, не написала о том, что за отечественную войну я вступила в партию. Не было времени поработать над этим письмом, но мне очень хотелось написать вам: может быть, потому, что иногда хочется написать письмо другу хорошему, а может быть для того, чтобы через многое месяцы войны, страданий, боевых дел, самоотверженного труда послать свой горячий привет вам, моим дорогим друзьям, комсомольцам, студентам — беспечная юность засыпала сорок первого года.

Валентина Спорисенко

В 58 городах союзников

Из рассказа членов делегации советской молодежи — Николая Красавченко, Людмилы Павличенко и Владимира Пчелинцева

Ассамблея в Вашингтоне

В августе прошлого года в Вашингтоне открылся Международный студенческий конгресс — ассамблея. Советский Союз был приглашен участвовать в ней. Наша делегация 14 августа вылетела из Москвы.

Тринадцать дней мы провели в пути. Атлетом через Иран, Пакистан, Египет, Африка, даже на высоте, встретили нас поистине африканской жарой. Но пройдем, оказываемый нам восток, как представители великого государства, ведущего географическую борьбу, был, пожалуй, жарче.

На вокзале в Вашингтоне нас встречала тысячная толпа. Здесь были представители международной студенческой организации «Интернейшиен» студент сервиса, делегаты американской молодежи и студенчества, члены советского посольства и репортеры, репортеры, репортеры... Но о них особо, потому.

«Нас сразу буквально заваливали приветствиями от различных городов и организаций. Просто не успевали и выслушать. За нескончаемой массой падали на голову тысячи приветствий. Словом удовольствия, приятно, только небольшая часть их. Приветы прессконференции, выступления по радио, посещения Белого дома, где встречались с выдающимися государственными деятелями США».

В торжественной обстановке 2 сентября открылась ассамблея. Пятьдесят четыре государства были представлены на ней. И ни одно из них не пользовалось таким

почетом и популярностью, как наше. Делегаты стояли приветствовали нас, когда мы входили в зал. Наша делегация принимала все это как дань справедливого уважения к великой родине, пославшей нас.

Появление на трибуне Альбины Павличенко встречалось настороженным шиком оваций. Доклад Николая Красавченко «Борьба советской молодежи в великой отечественной войне» то и дело прерывался аплодисментами, хотя произносился он на русском языке.

Четыре дня работала ассамблея. Объединенная славянская делегация выступила с декларацией о немедленном открытии второго фронта. Был избран постенный комитет международной студенческой ассамблеи. В составе исполнительной нашей делегации, глава советской делегации Николай Красавченко.

Официальная часть нашей поездки официальна. Началась «неофициальная». И надо сказать, что она была еще шумней хлояютней. За два с половиной месяца мы обследовали сорок пять городов США, выступали на сотнях собраний и митингах, были на звездах и в виннических частях, покидали руки тысячей людей.

Встречи были много. Нас принимали президент СПА Франклином Рузвельтом. Он выражал свою благодарность Красной Армии, просил передать сердечные пожелания здравия товарищу Сталину. Беседовали мы с виднейшими промышленниками, со студентами, фермерами, рабочими,

в Аос-Анжелесе знаменитый американский дрижер Стоковский, аспирант с оркестром «Солдаты симфонии» Шостаковича. Принято было в Америке слышать симфонию советского композитора, написанную в Ленинграде, в дни тяжелейшей блокады. В Голливуде известны реальный артист современности Чарли Чаплин. Энергичный, молодой несмотря на свои годы, он выступает на митингах и конференциях, призыва к открытию второго фронта. Чаплин шутит, что за последние месяцы чаще выступает на митингах, чем в студии.

Но, может быть, самая необычная встреча произошла на улице одного американского города. К нам подошел молодой человек, француз. Он долго с удивлением осматривал нас, потом воскликнул:

— Так вот вы какие! А нам за двадцать лет столько немцев рассказывали о вас. А вы, значит, вот какие.

«Нас утро встречает преходящий»

На каждом шагу мы видели крошки русского, советского. Мы уже говорили о знаменитом одресте, исполнившем музыку нашего Шостаковича. На одном митинге замечательный актеристический певец — баэ, Робсон — исполнил наши русские песни. В газетных кiosках можно было встретить книги Толстого, Шолохова, Эренбурга, в книжных салонах с несласываемым успехом шли советские фильмы.

Не раз мы слышали, как на улице американские мальчишки лихо насыпывают песенку «Нас устроет встречает проходной» из кинофильма «Встречный».

Как-то на митинге был объявлен «Марш объединенных наций» — оркестр исполнил эту песню. Оказывается, мелодия этой песни Дмитрия Шостаковича настолько популярна в США, что американский поэт Гарольд Ром написал новый, актуальный текст.

Необычный сбор

Митинги, где мы участвовали, собирали много народа: пять, десять, даже двадцать тысяч человек, в зависимости от посещаемости. Но было ясно, что помещение, рассчитанное на пять тысяч человек, вместо верных восемь, а на улице толились не попавшие, как это произошло на последнем митинге в Нью-Йорке. Выйду уже заполочь, когда мы выходили из зала собраний, тысячная толпа приветствовала нас криками: «Привет, Красной Армии!», «Привет, Сталину!»

На митингах собирали не только из слов: Нередко на митингах собирали спасительные денежные сборы. По две, три, пять тысяч долларов собирали тут же в фонды Красной Армии. А однажды, в великом нашем удивлении, многие присутствующие на митинге стали снимать свои... часы. Доброволец из публики прошелся по залу и расположил на столе председателя центральной часовей магазин.

Шипящий вопрос

Он американской прессе много писали, и говорили, но не имели с ним полного представления, пока не стояли неподалеку от генералов самим.

Чтобы увидеть «сверхшпионов» Людмилу Павличенко, репортеры пускались на всякие хитрости. Они подкрадывались ее на улице, при выходе из машин, из лодки. Приходили утром и в полдень, вечером и в два часа ночи.

А какие «козырные» вопросы задавались

ей: красят ли она на фронте губы? Есть ли у нее на лице женщины? Дают ли на фронте маникюр?

Но эти вопросы, рассчитанные на развлечение американского общества, тонули в море других вопросов, связанных с мелодией этой песни Дмитрия Шостаковича настолько популярной в США, что американский поэт Гарольд Ром написал новый, актуальный текст.

На самолёте в Англию

В середине ноября в Лондоне открывалась международная конференция молодежи. В это время мы были в Монреале (Канада). На английском самолете мы летели в Англию.

Англия встретила нас густым, каким-то жгучеватым туманом. Казалось удивительным, как в таком тумане можно что-либо различить. Но в «разобранном» встретившем на вокзала представителем английской молодежи, студентами, работниками советского посольства.

Два дня, 14 и 15 ноября, проходила конференция. На ней было представлено девяносто посольств государств. Итогом работы конференции явилась боевая резолюция, название которой само говорит о себе: «Призыв к действию!»

После конференции мы совершили путешествие по стране: побывали в привлекающих городах, спускались в угольные колодцы, заходили в университеты и колледжи, посетили воинские части и военные корабли.

Нас принимали высшие члены Адмиралтейства — премьер-министр Уинстон Черчилль, Антон Инди, Стеффорд Криппс, — представители промышленности, науки, искусства. И везде, в всех своих наставлениях, мы видели огромный интерес к СССР, симпатию к своему великому союзнику.

Лучший ответ Гитлеру

Англичане, как никто другой, почувствовали роль Советского Союза в борьбе с фашизмом. С того дня, как СССР вступила

в войну, фактически прекратились бомбардировки английских городов.

Мы видели разрушения Лондона. Целые кварталы города исполнены сметены начиная с Пострадали многие здания большой художественной ценности: разрушены собор св. Павла, здание парламента и многое другое. Были мы в Кентербери, где бомбами разрушины дома архиепископа, собор, памятники.

В бесконечной яности пытались немцы сбрасывать бомбы к берегу у англичан, но ничего не вышло. Дух англичан не сломлен.

Заводы и фабрики работают как никогда раньше, и эту работу в первую очередь чувствуют сами немцы, на своих голодах.

Женщины в форме

В цехах заводов немало подростков, но особенно много женщин. На некоторых предприятиях число женщин достигает 70—80% всех рабочих. Десятки тысяч других английских женщин находятся в военную форму. Они служат в частях ПВО, в армии, в аэронавтике.

Забавный случай произошел при посещении английских военных кораблей. Когда Адмиралу Павличенко не пустили на один корабль, говорят, есть примета, что женщина на корабле — несчастье.

Аплодисменты и проценты

Работники особенно тепло встречали нас. Столы нам полнились, как в цехах подсобных производств. Рабочие стучали молотками по ящикам, были в котлах, в барабанах. Оказывается, это — не что иное, как своеобразия опиации.

Но насколько приятно было видеть другой способ приветствия. На английском заводе Гудера Фактори, в столовой, на стеле, висела диаграмма: роста пропускной способности завода. С радостным удивлением мы разобрали над самой верхней кривой родного слова: «Сталинград». Оказывается, сверхплановую производительность завода рабочие посыпали крахмалом, чтобы показать, какому-нибудь будущему кораблю на боевом пути на фронтах «Сталинградская победа» явилась рекордной по количеству выпущенной продукции.

Когда мы уходили с этого завода, рабочие преподнесли нам официальную делегацию грамоту, где объяснялось, что сверхплан стартовал в сентябре и еще имеет смысл, вспомнив о втором фронте. Как известно было получить в короткое время телеграмму, где стояла цифра: «Приятно это?»

Самое приятное

Перебирал мы мысли о поездке. В первый раз мы очутились заграницей. Правда, это была наша боевая страна. Объездом за четыре месяца пятьдесят восемь городов США и Англии. Видели сотни замечательных заводов, памятников, зданий. Говорили с десятками выдающихся людей. Выслушали множество приветствий, поздравлений, посыпали салютом и виденного было приятнее всего?

Самое известное о начале наступления под Сталинградом. Видение — склонное под лыжами нашего самолета, снижающегося невдалеке от Москвы.

Митинг объединенных наций в Нью-Йорке. Известная певица бразильской оперы Биду-Сало приветствует Людмилу Павличенко. Слева — жэр Нью-Йорка Ла Гардия.

Проболочки

Л. Брандт

Рассказ

В тот вечер, когда врач обмыкал, что через неделю всех семерых можно выписать, они уселись на облюбованенные, прыщевые места около большой изразцовой печки и долго молча смотрели, как пламя охватывает сухие берёзовые побеги.

Это был любимый всеми час, обычно полный разговоров, пусток и смеха. Сегодня они уже мысленно прощались друг с другом и молчали.

Несколько месяцев назад их всех в тяжёлом состоянии привезли. Безуспешно этот госпиталь. Безуспешно всему окружающему, они лежали на белых больничных крахматах. Справедливости и болезни делали из них лицо похожими одно на другое.

Но постепенно, день за днем, глаза им становились яснее, мускулы подвижнее, и наконец каждое лицо приобрело одному ему свойственные выражения.

Кончились разговоры.

Тогда, во изнанке, они начали интересоваться друг другом. По вечерам, снявши лёжа, они вели долгие разговоры, а потом полукругом подсаживались к печке и делались воспоминаниями и планами.

Самому старшему из них, полковнику Колыбалину, было больше сорока лет. Младшему, разведчику Коле Смирнову, — семнадцать.

Полковник Колыбалин, изнокороль, светловолосый, лицом, изрезанным глубокими морщинами, казался бы старше своего возраста, если бы не глаза. Глаза его, ярко-серых, слегка прищурившиеся, показывали строгость командира и вонза проглатывавшие юношескую ласкоть и добродушину.

В то время Колыбалин пользовалось известностью и любовью. Репутация человека, who знающий страх, балована судьбы, укоренялась за ним давно.

Сейчас Колыбалин сидел ближе всех к печке и молча, не отрываясь, смотрел на окно.

Дальние вея от окна сидел разведчик Коля. Он глядел на полковника измельчевшими глазами, ёркал на табуретку и всё чаще и чаще покоробирал голову в сторону командира.

— Товарищ полковник!.. — Иван Никифорович, — разладил вдруг его звонкий голос, — неужели правда, что вы никогда не испытывали страха?

Полковник молча усльбился, покашлив, и, неожиданно для себя, от огня, ответил:

— Нет, потому же... Бывало, еще как бывало, и, вдруг порытком пропах как бич, как бич, полковник поклонился задори к самому огню, словно вспыхнуло озёро.

Разведчик покраснел, приоткрыл рот, отчего лицо его приобрело детское выражение. Он несколько раз пытался что-то сказать и наконец умолкнули вопросы:

— Расскажите на прощание, Иван Никифорович, про самый страшный случай в вашей жизни.

Все посмотрели на Колыбалина. Полковник помедлил, потом кинул головой и очень сердечно сказал:

— Я согласен, но только мне придётся рассказать о прошлой, русско-германской

Колыбалин повернулся к слушателям и начал рассказывать...

всё же, — я, увидев молчаливое согласие на лицах товарищей, Колыбалин приготовился рассказывать.

Несколько мгновений длилось то неизбежное молчание, которое обычно предшествовало каждому рассказу из далекого прошлого.

Колыбалин даже слегка прикрыл глаза, собираясь в одно место разрозненные времена и события воспоминаний, потом круто повернулся к притихшим слушателям и начал:

— В 1916 году полковнику Колыбалину было неполовину девятнадцать лет. Ватечко село, где он родился и жил до призыва, стоит на полуразрушенных крахматах от железнодорожного поезда, который он увидел был тот самый, что пошёл служить его в первую армию.

Через три недели после призыва парнишка посыпал на фронт. Попал он в окопы совсем как обстрелянный и, что грех танять, в первых дни боился страшно, но у а потом отошёл...

Ему впереди он встретил земляка, и не просто земляка, а фельдфебеля, и артиллерийского кавалера, такого, которым гордился весь полк.

Скоро якожи вятских парней под покровительством фельдфебеля Чигирёва стала настоящим солдатом: спал в землянке, ходил в дозоры.

Полк, в котором находился Колыбалин, стоял на передовом на немецких позициях и с минуты на минуту ждал призыва о наступлении.

Немцы заняли удобную высоту, окопались так опишили себя колючей проволокой, что подстерегнуть к ним было невозможено.

Высота была важным пунктом, и ей следовало взять во что бы то ни стало.

К штурму готовились с величайшим предсторожностями: немцы тоже всё время были начеку. Стоили на мгновение поднять на штык французку, она как оказывалась изрешечённой пулями.

Но в день наступления творилось что-то необычное. Уже последний солдат пешего штурма выбрысал из окопа, а со стороны врага не раздалось ни одного выстрела.

Густая цепь атакующих подле небольшой заминки двинулась на врача.

Среди них был Колыбалин, склонившийся над окном. Колыбалин шагал рядом с земляком, на левом фланге. Тело его стало лёгким, как будто пустым, а руки и ноги — один — тяжёлыми. Пальцы его с таком силой скимали винтовку, словно изъян молотого сочного сосиски. Он сжал её руками, и винтовка издала приступ, извлекла из колыбалина способность — в только вместе с жизнью.

Рыкающий изнокороль земляк-фельдфебель, шагал рядом с Колыбалиним. Трепетное осёлое лицо Чигирёва было совсем спокойно, словно он шёл не в атаку, а на прогулку. Это рожька фельдфебель обладала такой способностью — в самые опасные минуты оставаться не только спокойным, но и заряжать своим спокойствием окружающих.

Но чем ближе были окопы противника, тем сильнее волновались солдаты: наряд ли немецкие дозоры до сих пор не видели нашей цепи. Но враг медлал, и наступающим настойчиво дали мыслы о лопушке — неизвестной санитарной зоне, в которой воняло смертью.

Воняла вся предесья шершня, пахла, как кашемир.

Колыбалин не сразу понял, в чём дело. Но общее волнение передалось и ему.

Вся пущаница изнутриров прозволочных заграждений, прежде оборудованных немцами, была снята.

Оте места, где сама собой остановилась цепь, до окопов противника виделось теперь свободное пространство, только по юбкам сражавшихся солдатами, колышущимися погибшими, насекомыми, пронзнувшими грудки тяжёлые проволочки. А в трёх шагах перед проволокой была вырыта неглубокая канавка.

Какая таинственная опасность здесь: никто не знал. Но не было силы, способной хотя бы на шаг подвинуть людей. Солдаты, много раз мужественно шедшие в бой, теперь беспомощно топтались на месте. Командир роты, молодой, бледный, покоробирался, попробовал покликнуть «Вперед!» — но вместо тонкого проводника А в трёх шагах перед проволокой была вырыта неглубокая канавка.

Чигирёв, с храбростью которого колыни самые неизвестные рассказы, стоял рядом с Колыбалиным, бледный, с темением лицом, беспомощно, как палку, опустившись на фельдфебеля.

Чигирёв, с храбростью которого колыни самые неизвестные рассказы, стоял рядом с Колыбалиним, бледный, с темением лицом, беспомощно, как палку, опустившись на фельдфебеля.

Но заминка продолжалась недолго — одну — две секунды. Вдруг отовсюду разом затрещали десатки немецких пулёмётов и сотни винтовок. И тогда, хотя огонь не приятеля был очень губителен, было вдвох облегчения: вырвалась из груди атакующих.

Люди ожили, вся цепь ринулась в свежемирную канавку, пытаясь укрыться в ней от огня. Канавка была мелкая, и солдаты забыли о её досхоте: двум дефолдингам, Колыбалину и Чигирёву, не нашлось в ней места.

Солдатская волна, хлынувшая к нему, обрушилась на бледного, тонкуюк из зверя. Она оказалась в узком пространстве между проволочкой и канавкой и припала к земле.

Тонкая, кое-где тронутая ржавчиной про-

волочка повисла над их головами. Прижимаясь к земле, Колыбалин всё время ощущал эту проволочку. Он боялся шевелнуться, боялся сдвинуть хотя бы пальца с двери.

С тем редко лежал Чигирей. Фельдфельзебель лежал так тихо, что только по движению, щекотавшему ухо, Колыбалин понимал, что фельдфельзебель спит.

Немецкие пулемётчики стреляли без перерывов. Пули со звяганием, осинам звоном пролетали над ватничами. Почти каждая пуля поражала укрывшихся в канавке.

Как будто бы пристрелили заранее; люди лежащие в ней, попали как бы в большую макорубку.

Безусый командир роты попытался поднять солдат, но никто не двигался с места. Увидел, что никто не поднялся по его команде, он оббежал испугнувшую в этой обстановке шашку и первый выскочил из канавки, но сразу же, широко раскинув руки, упал на землю.

Прошло пять минут, я в канавке не осталась ни одного живого; только впереди плотной, щещёкавшей мертвцам лежали два немецких солдата.

Огонь противника затих так же разом, как и начался. Враги проверяли результаты немецкого боя.

Прошла минута... другая... третья... Длинные, изогнутые Кольбалины показались, словно одна из другой. Ни Чигирей, ни Колыбалин не имели силы сделать хотя бы малейшее движение. Тонкая розовая проволочка, висевшая над их головами, сковывала их движение.

Сколько прошло так времени? Колыбалин не может сказать и сейчас: может быть, минуты, а может быть, часы.

И вот когда Колыбалин показалось, что седина его головы стала с признаком места в группе кудо-то к самому горлу и горло заискривилось, Чигирей вздрог занесенными и поднял голову.

Кольбалин увидел его лицо. Оно было покрыто мертвенно бледностью.

На макушке Колыбалина забыл даже о страшной проволоке над своей головой и хотел было подняться. Но Чигирей предупредил его от принесения на четырнадцать, дёрнулся испод, как бы приподнял, потом присел на kostочки и что-то закричал. Словно разобьют было труп.

От ответа щёлкнуло разом несколько мыстров. Фельдфельзебель вскочил на ноги и закружился на одном месте, притягивая ногами, как будто опильская лихой солдат, и, тяжко, и через секунду тяжело рухнул на землю. Падая, он задел проволочку. Тонкая металлическая интка не выдержала тяжести его сильного тела и лопнула.

И ничего не случилось...

Кольбалин больше не думал о синистых над головой пулах, он забыл недавний страх и... ползком, стараясь как можно плотнее прижиматься к земле, чтобы сквозь проволоку своим о тонкой металлической прополоской.

Через несколько минут изажды раненый Колыбалин ползком добрался до своих окопов, и новая волна атакующих двинулась на приступ.

Солдаты, только на короткий миг задержавшиеся в канавке, наполненной трупами, и, синя ногами безобразную проволочку, выбили немцев из окопов.

Так получил свой первый солдатский «Георгий» полковник Колыбалин, чью грудь теперь украшала четыре боевые советских ордена.

И теперь, когда бывает, что страх готов заворваться в грудь и мозг Колыбалина, перед его взором встаёт тёмная ржавчина проволоки, пронзившей на свечи-изогнутые колышки. Полковник сжимает зубы и шепчет: «Нет, не проведётся!» И страх переходит в гнев на них, что, не надеясь на свою силу, хитростью и обманом пытается запутать противника и лишить его мужества.

— Нет,— закомкал Колыбалин,— такой фокус дважды не удаётся!

Стихи о Кавказе

Тамада

А. Ситковский

В стаканах пенится вино;
И хлеб и сыр — еда;
Людей не счесть —
Кругом полно,
И выборы тамада.
И разводы и генералы
Нетерпеливо ждут,
Чтоб слово тамада скажет,
В чью честь
Им выпить тут.
Обиды не было б какой!
Но тамада не просит,
Сдружин стакан
С своей рукой,
Они поглощают.
— Офицер есть в стране у нас,
А я, друзья, грузин.
Я виделся от гор сейчас,
Но я им первый сын,
Мы эльбрус и дружбу пьём,
Но первый тост —
За мать
Того товарища,
Чью дочь
Собирали нас пировать.
Но за него
Нам выпить заслъ.
В землянке фронтовой?
Мы все хозяева,
И честь
Осторожия здесь любой!.
И все подумали:
«И впрямь,
Кто скажет, как нам быть,
За чью из самых лучших мам

Нам тост провозгласить?»
Но тамада исчезнула —
Он дело краено знал, —
Остались все доволыны им:
Боев и генералы,
Он помолчал,
Потом опять
Свою продолжил речь:
— Итак, друзья,
И погиб
За матер!
Калинулся её беречь.
Она одна у нас, одна
В труде,
В строю.
— в бою.
Давайте же выпьем
Всё,
До дна,
За Родину свою!

Освобождение

И. Гришашвили

Запнулся лесок соседний. Вновь деревня наша.
За рекой снова солнце ярко встает.
Всё конца идёт повозки. Скарб на них домашний.
Человеческое сердце радостно поёт.

Воробы смыкали гнёзда, спорят между собою,
И победы ветер песню по садам понес,
Ветвь колхозник перед новой, срубленной избью...
Стало больше в мире счастья, стало меньше слёз.

Переход с грузинского
Борис СЕРЕБРИКОВ

ЛЕКЦИЯ

Рассказ

А. Серафимович

Меня пригласили побеседовать в гостинице с ранеными бойцами. Вхожу в палату.

— Товарищи,—сказал я,—не бросается ли вам в глаза странная вещь: Гитлер, ничтожный шарик, бездарный, невежественный, подобно лукавому, вдруг получил неограниченную власть в Германии, мобилизовал миллионы немцев, обрушился на государства Европы, прошёл по ним с трауром, задушив их и чудовищно ограбив, прости моря крови, потом бросил свои полчища на Советскую страну?

Я говорил и взматывался в лица бойцов. Они слушали с живым вниманием, глаза блестели! А вот небольшая группа раненых была чем-то утешена.

Я наклонился к врачу, спросил, в чём дело.

— Видите ли,—сказал он тихо,— эти пот, с пусклыми щечами, не были в бою, а получили авиационные ранения по дороге на фронт. Их грызёт, что, ничего не успев сделать для борьбы с прагом, они уже вышли из страха.

Рис. В. Горлева

— Так вот, товарищи,—протянул я,—и такое ничтожество властвует над громадными силами, за них текут орды, вооруженные и оснащенные до зубов. Откуда всё это у него? И почему?

Я оглядел всех. И все спрашивали меня глазами: «Почему?»

После мировой войны брожениешло среди рабочих, среди солдатских масс. Царя в России отправили на тот свет. Вильгельм из Германии насилием унес. В Италии рабочие стали забирать управление заводами и фабриками в свои руки. Германские империалисты— самые злобные, самые жестокие, самые жадные империалисты— большие злеки встревожились: они боялись и своих рабочих и своих солдат. Как же быть? Без рабочих погибнет солдат тоже не обойдёться. Как быть? Стала думать. Один видный итальянский генерал, автор многих опубликованных в печати военных работ, предположил: а если бы заменили человеческие войска обезьянами?

«Что же тут удивительного?— писал он в своей книге.— Весь приучает же животных к выполнению самых сложных, головоломных гимнастических упражнений. Помогите в цирке надресорованных собак, лошадей, кошек, львов, медведей, крыс, словом. Ведь они не предполагают с превышайшей ловкостью и смеккой. А обезьяны, особенно человекоподобные, приближаются к человеку по уму, по сообразительности. Так почему же обезьяну не научить заряжать орудие, стрелять, бросать гранаты? Можно выучить обезьяну ходить в атаку, действовать штыком и прикладом. Вот вам батарея, дивизии, целые обезьяльные корпуса. Обезьян-солдаты не будут знать жалости, сострадания, не будут знать никаких человеческих чувств, потому что это обезьяны. Империалисты могут быть склонны: в их руках окажется странная сила — немецкая, непасущаяся, немая, бесчленованная...»

Послышались голоса:

— Да это же немцы!

Я продолжал:

— Эта книга попала гулять по всей мировой печати. Обсуждали её с извратом и совершенно серьёзно. Дошла она и до нашей,

советской печати. Поменялись у нас вновь над итальянским генералом. Нашились в «капиталистической» прессе военные специалисты, которые выступали против обезьянских армий. Они говорили: прекрасно бы создать такую армию, но тут встают поэтические затруднения: нужно создать колоссальные штабомини для производства миллионов обезьянских солдат. А это—дело очень трудное: ведь обезьяны живут в пропахах и к климату Европы они непривычны.

— Наконец, при ранении есть опасность, что обезьяны солдаты, обезумев от боли, киуются на офицеров и начнут их грызть. В истории войны были такие примеры: например военные слоны Ганнибала, которых он привёл в Италию для борьбы с римлянами, иногда, раненые, адрат кидались на своих же воинов и гоцвали их. Германские империалисты призадумались: да, с обезьянами солдатам иного не выйдет, как бы с ними беды не нажить. И решено было испробовать другой способ: создать из людей обезьянских солдат—немецких, пересуждающих, бессловесных, жестоких. Для этого надо было найти неизходящее прохладство, лживого, без совести, без чести, без парвования, по-звериному жестокого, который взялся бы создать таких солдат из немецкой молодёжи. Нашли в кабине Адольфа Гитлера. Ну и мощенник! Ну и мерзел! Ну и бруху асессорщик! Поплыло на него золото миллиардов. Империалисты, помимо золота, дали ему диктаторскую власть над всей страной. Гитлер принял за дело: обумонил мелкую буржуазию, об-

маниул часть рабочих. Другую часть рабочих, которую нельзя было обумонить, убил, залил кровью, загнал в страшные концентрационные лагеря. Молодёжь разбратали, приучили в ней все человеческие чувства, отравили каждой грабежа, насилий. Таким образом были созданы миллионы армии...

— ...обезьяны немецкой породы.

— Правильно, по обезьяньему образцу итальянского генерала.

— А какие породы хотел обучить итальянский генерал? Ведь пород много: есть бесхвостые, есть хвостатые, например ма-камы.

— Он думал использовать человекоподобных: орангутанов, шimpanзе...

— Горилл!

— Нет, гориллы слишком дики, они не поддаются дресировке.

Молодёжные, с обозримыми мальчишескими глазами, поддержанная перевязанной рукой, сказали:

— А вот есть ещё панкины. Я их видел в зоопарке. У них на заду красное мясо.

— Это же и есть
Адольф Павлович Гитлер!

Пальма захочет.

— У него и систика
там мясо паклей!

У всех весело блестели
глаза, соулыбались даже
сумрачные — те, что ране-
ним были анабомбами.

— Вот, — закончил я, —
и выходит, что нам приходится иметь дело со
зверьём. А зверь дурется по-звериному. Вот он за
граков — и дерётся здорово. Вот он зашёл — и лезет направом, устремляет
под трупами. А вступят
они в честный, открытый
бой? Разы у него бы-
шает так — амбразуру заткнуть телом, чтобы
пулемёт замолчал, как у нас?

и как у нас? Потому, мы бьёмся за правду,
за правильную жизнь, а они — за грабёж,
за звериную жизнь. Ну, конечно, зверь
есть зверь, и его надо потрогать.

ИЗВЕРГИ

(Из допроса пленного немца)

Появя в русский плен, старший офицер 2-й роты дивизиона ПТО 9-й танковой дивизии Арно Швагер не раскрыл перед начальником своей души. Но и те заполные «откровения», которые фриц вынужден был сделать, показывают истинное лицо высокодолженного гитлерщика и его способностей по разбою.

Швагер долго топтал советскую землю. Он видел жизнь многих городов и сёл, оккупированных фашистами. На его глазах — у нас есть основания думать, что и не без его участия — развернулась не одна человеческая драма.

В городе, фриц не помнит, в каком, пом-
нил лишь времена — начало октября сорок
первого года, — он с поручением своего
командира явился к комендантству города
старшему лейтенанту Эндерху. Эндерху

был пьян и принял Швагера лёжа в по-
стели. В комнате коменданта находилась четырнадцатилетняя девочка, привязанная к крюкам. Крюк и стены подростка доставляли арийцу удовольствие. Он приказал Швагеру ударить её десять раз ногайкой по рукам и по ногам.

Подобное видел Швагер и в других ме-
стах. Но избиение, насилие — всё это блед-
неет в сравнении с тем, что было дальше.

Однажды в Курске Швагер был свиде-
телем того, как 8 офицеров изнасиловали
девочку. Лицейной сознания жертве па-
лачи привезли камень на шею и утопили
девочку в реке.

На улицах этого города Швагер как-то
встретил двух русских мужчин и женщину,
которых под козырем немцы затащили в тюрь-
му. Наследуя конвоксуму, шёл капитан

Когда наши войска подошли к Птигореку, немцы вывезли за город
несколько сот пленных советских бойцов и мирных жителей и рас-
стреляли их.

фон Боденок из 11-й танковой дивизии.
Поравнявшись с ними, немец выхватил
револьвер и застрелил всех прохожих.

— С каждым русским надо поступать
только так, — сказал пача.

Во время оккупации города в нём был
лагерь военнопленных. Утром из него
командиры выводили на работу пленных
красноармейцев. Для комонда вели двенадцать — пятнадцать человек. Но вечером в
лагерь из них возвращались лишь пять —
шесть: остальных убивали за непослушание,
или они сами погибли от голода и холода.
В лютые морозы в день умирало по вос-
емьдесят и сто пленных.

За месяц службы Арно Швагера в лагере
погибло около 750 советских людей.

Это было в Курске. Потом дивизия ве-
бралась в район Брянска. Как-то
летом в лесу, в двадцати километрах север-
нее Брянска, Швагер видел красноармейца,
прикованного к дереву цепями. Внизу тор-
чал костёр. Пламя лилось ноги и туло-
вие бойца. Нечеловеческие страдания плен-
ного доставляли удовольствие собравшим-
ся у дерева фашистам.

Более страшное зрелище наблюдал Шва-
гер в десяти километрах от Брянска. Прое-
сажая по дороге, он видел огромный
костёр, в дыму и пламени которого горела
людь, зажжено брошенные туда.

Это было место казни, каких мало со-
хранила нам человеческая история даже с
того периода, когда люди были дикарями.
Варвары XX века со свастикой на рукаве
поверили колесо истории на много столе-
тий назад.

Люди, обречённые фашистами на муче-
ническую смерть, стояли у костра. Здесь
было около 150 мужчин и 50 женщин.
Опередь была за ними.

Даже Арно Швагер, этот матёрый зверь,
не мог сразу понять, в чём дело.

— Кого я за что? — спросил он охранника.

— Местных жителей. Поползаются в
совместных действиях с партизанами.

— И всех так будите сжигать?

— С русскими только так надо посту-
пать. Не хватит деревьев, чтобы всех их
перебрасывать...

Арно Швагер, вытаращив глаза, не рас-
сказывал всего. Но мы знаем: горят костры
под Брянском и у Смоленска. Жажда
сжигают на них фашисты наших людей.

Но невозможно сколоть, знавшего лено,
удержать в клетке. Нет, не будут наши
люди немецкими рабами! Мне рассказы-
вали парни из Брянских лесов о женщинах-
колхозницах, которых на предложение фа-
шистов стать у них кухаркой отстригла
плаком в лицо врага. Пытки и подозре-
тельства немецких она вынесла с такой
твёрдостью, словно не ей пытали, а она
пытала своих плачев.

Фашистские полчища ещё точнут нашу
землю. Но уже настает час расплаты. Они
ответят за всё.

Старший политрук И. КОЗЛОВ

Город-призрак

Ник. Москвин

Третий очерк о военной маскировке

Грандиозным маскировочным мероприятием было одно ложное соружение, устроенное немцами в мирную войну во Фландрии, где они тогда держали фронт против англо-французских войск.

Долгое время на этом участке фронта не было никаких боевых действий. Участок, как говорили французы, «сарстал травой».

Но вскоре же ежедневно появлялись в небе воздушные разведчики союзников, осматривали участок дороги к деревне? Где же эти немецкие машины? Конечно, бред, пустячная ошибочка! Ну самое большое — немцы могли почно подобраться сюда батальоном, ну пусть даже полком! Да нет, и полк не успели бы! Мы бы знали... А то — несколько дивизий! Чистый бред!

Снимкиummerали, датировали и прятавшие в папки.

На следующий день опять поднимались воздушные разведчики и в папках появлялись новые снимки, но такие же спокойные, безмятежные, как и прошлые.

И вдруг...

И вдруг в англо-французском штабе было получено донесение: на этом забытом, глухом участке фронта находится несколько германских дивизий...

Донесение это было принято как Бред. В самом деле! Для того чтобы подвезти и сопротивляться в одном месте даже одну дивизию, надо много дней, а тут — не сколько...

Более грандиозное и более смелое по замыслу ложное сооружение было построено французами в ту же, прошлую мировую войну.

Чтобы спасти столицу Франции от налетов немецких бомбардиров, французы решили немецким летчикам показать, что Париж не настоящий Париж, другой — ложный.

И они сделали этот воинский Париж. В самую темную, белущую ночь любую видимость возможность можно различить с самолёта, потому что от её гладкой поверхности отражается звёздный свет. В душную же ночь видно ещё отчайтесь!

Это и учили французам. Париж стоит на реке Сене, которая, протекая через город, делает характерный — очень уже изогнутый тип немецких лётчиков, изгиб русла. Этот изгиб и показывал на карты налетчикам, чтобы те знали, какую опасность приближается к Парижу.

Французы начали на текучки Сены другой изгиб реки, похожий на зарядский. И здесь планировали строить новую столицу.

Париж строился в векселях. Он занимает громадную площадь, в нём тысячи улиц, сотни тысяч домов. Как же это всё построить быстро — неделю, в месяц?

Однако он был построен.

Если бы опознаться гулять по этому воинству городу, то мы, конечно, не повернули бы не только в то, что это Париж, но и вообще какое-нибудь человеческое поселение.

Во-первых, — дома. Не было ни каменных, ни высоких, многоэтажных домов. Только кирзие, в полуэтажа фанерные постройки, у которых и стена настоящих нет, в лишь один фанерные скаты крыши, державшиеся на подпорках. И это и такие «хомы»: только крыша, лежавшая на земле.

Во-вторых, — улицы и площади. Все характерные, отличитель-

ство, на котором могло разместиться много живой силы и техники.

Но как же не заметили эти постройки английские и французские лётчики?

Сверху «кангары» имитировали ту местность, на которой они стояли. Если тут, например, был бугор, то сверху, на крыше «кангары», изображался бугор; если отдаленное дерево, то на «кангарах»

ставили и украшали такой же величина искусственное дерево; если тут были пашни, то крышу «кангары» делали «под пашни» и т. д.

Работы производились ночью, когда в поздних не поднимались воздушные разведчики противника. И производилась постепенно. В туман заготавливались крыши «кангар», которую сегодня ночью надлежало поставить. На крыши было с большей точностью нарисовано все то, что эта крыша должна была соблюсти закрыть. Местность близ этого участка французского фронта была чрезвычайно пакостна, поэтому большинство «кангаров» были сделаны из тусклых пленок.

Готовая крыша ночью подводилась к фронту и на стойках поднималась над тем участком земли, конец которого она являлась. Поэтому наружу лётчики союзников ничего не могли обнаружить нового.

Так возник «кангар» за «кангаром» — комия за конией... Образовалась громадная скрытая территория, которую тайно и затали немецкие дивизии.

Открыты пикни со снайперами. Ну где это дивизии? Где же эти немецкие машины? Конечно, бред, пустячная ошибочка! Ну самое большое — немцы могли почно подобраться сюда батальоном, ну пусть даже полком! Да нет, и полк не успели бы! Мы бы знали... А то — несколько дивизий! Чистый бред!

Но это не был бред. Внезапный немецкий прорыв на этом, когда-то глухом участке фронта показал наличие тут многих германских дивизий.

Откуда же они взялись?

Оказалось, что до прорыва солдаты были спрятаны в своеобразных «кангарах», расположенных близ этого участка.

Что это были за «кангары»? Снимки и материалы, которые были опубликованы после войны, показали, что «кангары» — это низкие, плоские постройки из фанеры или из фанеры, державшиеся на лёгких стойках. «Ангари» занимали обширное простран-

ние парижские улицы и площади были тут проложены с точным соблюдением размеров и расположения. Но остальные улицы назывались и не коначались.

В-третьих, — то там, то здесь были громадные площади, просто пустые: даже без упомянутых «домов» и «улиц». Они были только перекрыты, и на земле сладись кое- какие квадратные или промотульные ямы.

Но больше всего нас поразил бы в первом Париже трамвай. Трамвай, в котором не было ни пассажиров, ни вагоновожатого, ни... самого вагона! Вместо этого во электротяге бежал разъезд, высекая время от времени зелёные, иконо видимые искры.

Но что мы призываем бы истинно парижским, — это размеры города. То там, то здесь светились на окраинках «столицы» огни в окнах, показывая сверху, какую широкую площадь занимает город.

«Огни в окнах»! Значит, тут не было светомаскировки? Нет, она была, но не брошка, нестрогая. Намеренно небрежная, намеренно История Город, потому что кое-где были и настоящие огни. Просто о склоне Парижа, да и на средней, Парижский роготен, которые забыли затемнить окна или плохо это делают! Это было заранее обдумано, причём этих несуществующих

шагих роготен «рассыпали» побольше на окраинах, чтобы в ночной темноте виднелась громадная граница «Парижа».

И вот летят немецкие бомбы.

Кстати, надо вспомнить, что в то время не существовала ещё «слёзное поле», то есть поле, на которое бомбили, не имея тех точных инструментов для определения пути, которым сейчас располагает штурман, он вёл машину, ориентируясь на гробы показатели: компас, карту и т. д.

Это не давало возможности всегда точно выходить на цель, особенно в ночные времена.

То что же видели немецкие летчики?

Настоящий Париж потушен, чёрен. Но вот легчики замечали громадный город Париж.

Почему они думают, что это Париж?

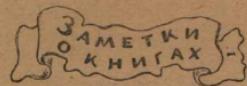
Первым опознавательным ориентиром им служат изгиб Сены и размеры (по окончанию из окончания) города. Тут всё пакетное. Это успокаивает: не ошиблись. Затем различают (хотя и смутно, но помогает «плохая» светомаскировка) главные парижские площади и улицы. За этим — кварталы, дома... Сверху, да ещё ночью, когда нет резкой тени, дома, что пакетажный, что однокомнатный, выглядят подобно гигантским яблокам.

Итак, всё: изгиб реки, фасады городских площадей, улицы, дома... Конечно, это Париж! Даже, смотрите, трамвай! Зелёные искры то там, то здесь вспыхивают, бегут по проводам... Ночью, беззубий Париж — даже не веде пошуту свет...

И бомбы, отрываясь от самолёта, со свистом уходят вниз, в ночь, на Париж...

Но настоящий Париж в ту ночь спокойно спит: а где-то, за десять километров, немцы усердно бомбят французский и карточный город-призрак.

СЛАВА РУССКОГО НАРОДА

«Трудно себе представить историческое лицо, деятельность которого так неизменно постоянно была направлена к одной и той же цели. Годами возвращая себе цель, более достойную и более сопадающую с полем всею народа. Ещё труднее найти пример в истории где-бы цель, которую себе поставил народ, чтобы она была бы так совершенно достигнута...» Так пишет наставник Лев Полтей любезу Кутузова. Освободительной войне 1812 года.

С именем генерал-фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова связана одна из славнейших побед русского оружия. Вместе с тем это победа русской, национальной стратегии, опиравшейся на глубокое понимание народа, отчуждавшего его вольному духу, любви к своей родине.

Армия и народ любили своего полководца. Огромный и оригинальный стратегический талант Суворова высоко оценивал великий Судьба. Современники полюбовались, это боевые соратники и ученики: Багратион, Платов, Долгоруков, Раевский, Кутузов и другие. Но сколько было других, порою очень высококультурных юнксов, поражавших глазамиющимущего за нарушение «правил» военного искусства, находивших в его деятельности бесчисленные « ошибки » и самые победы полководца приписывавшие чисто не «случайности»!

Крайне интересно и актуально сейчас, для всей нашей отечественной войны, читать подлинные документы, показывающие, какую борьбу приходилось вести Кутузову с тягучими «правилами» самим шарем; кроме той борьбы, которую он вел с судьбой, вел он, не притесняясь на полях сражений. Эти документы — выдержки из писем, мемуаров и статей современников — собраны в небольшой интересной книжке «Кутузов в 1812 году», составленной М. Булгаковым. Она вышла недавно в издании «Библиотеки «Огонька».

Собранные воедино, они дают образ великого полководца, портреты соратников, окружающих его, показывают тот разрыв в отношении к Кутузову, который существовал между народом и армией, богоугодностью своего лобового военачальника, с одной стороны, и верхами государства — с другой. Чего стоило наследство на письма Александра I, который, несмотря на письма Кутузова, чтобы больше неистину о войне, явно преувеличил заслуги, писавший о честном Кутузове: «...приобретательствах, в которых мы находились, мне нельзя было не выбрать из трех, однаково не подходящих в главно-командующие, генералов того, за которого были все!».

И это написано 18 сентября 1812 года, в тревожные и трагические для России дни, когда неприятель взят Смоленск и подумывавшая «великая армия» Наполеона движется к Москве. Зато «...солдаты, офицеры, генералы, народ, город, вся империя была в истории, что участь России впереди в опытной и искусной руки этого ветерана» — при-

знает в своих записках генерал Левенштерн. Ещё восторженнее пишет о назначении Кутузова Ф. Глинка:

«...перед Кутузовым из С.-Петербурга к армии походили на какой-то торжественный шествие. Жители города, оставленного для работы в армии, выходили со большой дороги, где立了 белоснежно постолив креста. Жители деревень, оставшие сельские работы (бо это была пора хлеба и серпа), спорожнили так же под дорогой... Матери издалека бежали с грудыми младенцами, становились на колени и, между тем как старшия, вспыхнув седыми головами в землю, они с безответным волнем поднимали младенцев своих мертв, как будто поручая их защите первокоренному воину!»

Народ приветствовал Кутузова, народ видел в нем своего защитника от «врага этого и неизвестного». И вспоминает Елизавета Баварская: «...была встреча с армией. «Бригады» весело подпрыгивали, друг друга счастливой переменой обогащаясь, — пишет в своих записках подполковник И. Р., — даже солдаты, шедшие с котлами за водой, услышав о приезде любого полководца, с криком «Ура!» побежали к речке, вообразя, что уже гонят неприятеля. Тотчас у них появилась поговорка: «Приехал Кутузов или французы?»»

КУТУЗОВ В 1812 году

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЬКА»
ЧИТАТЕЛЬСТВО ПРАВДЫ
МОСКВА — 1962

Прибыл в армию, Кутузов сразу же начал готовиться к решительной битве. «Вот то-то приехал нам ботинки!» — говорили солдаты. — Од все наши нужды знает, как не под驾驭ть генерала, как ему это до одного ради головы вниз, в глазах!»

Кутузов чувствовал необходимость дать генеральному «ожжению» не доходя до Москвы, чтобы если не разбить, то хотя надломить армию неприятеля. Местом для битвы было избрено Бородинское поле, в девяти verstах от Можайска. Именно здесь, под Бородином, «Европа очами своих супоней удивлялась», — пишет Михайловский-Данилевский, — что русские могут скорее пасть с оружием в руках, нежели остаться побежденными. И впереди, достойным такого поинства, вились Кутузовы...»

В битве под Бородином был одержан на всяком случае, но, поскольку силы неприятеля были только надломлены, Кутузов принял решение — отступить из Москвы. На поле, вступивший победителем в бровину

русскую столицу, и даже многие соратники Кутузова не сразу поняли генеральный ход Франции. «Должен будет существовать грани и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор как сохраняя наизмену благоголовно доверять войну, но когда уничтожится армия, — поясняет Москва и Россия, — постыдится Франции».

Ценность собранных в книге документов в том, что они дают живой, понятный облик великого полководца. Нет, это не законченный в латах и броне своего величия исполнен, — это обыкновенный человек, престарелый и глупо русский человек. Вот он в изображении Михайловского после совета Франции: «Все почтенные люди, Кутузов, — прозывали пренебрежительно начальник, — не скажут раз пакости! Как полководец, он видел необходимость уступить городу Москву, как русский, мог ли он не бояться о ней?» И всего через несколько дней, завершив свой генеральный план фланговым маршием на Тарутин, в котором отступление было начато путем к побегу, Кутузов мог сказать и даже едко отвечать поэту Николаю Лористону на предложение знати «всех шутят, говорят, что вы несете счастье»: Неужели вы забыли, что мы до сих пор только и делали, что отступали. Всю для нас теперь только начинялись? И дальше: «Это неожиданность войны, милостивый государь! Она должна иметь решительные последствия. Мы бы стали бы переговариваться о мире, если бы даже были отосланы за Волгу» (из записок сора Родриго Вильсона).

Настоящая война только началась! Понято это, «неподъемный» Наполеон поспешно покидает сожженную столицу. Кутузов — не дюк, могущий выдраться из опустошенного города в пристрастии имитировать непрерывные партизанские налеты, перерезать еле коммуникации, отскакивать от солдат и офицеров, все, что осталось от «无敌ной армии» Наполеона.

С понятным волнением жители прочтут среди понимающей аудитории давешние родовые названия городов и селений, где 130 лет спустя, зимой 1941 года, потомки Кутузова нанесли сокрушительный удар «неподъемной» армии нового претендента в завоевания мира.

Всего около тысячи человек (из 575 тысяч!) вышло за пределы России; разбросанные пугачи спаслись и выбрались не менее 30 тысяч безоружных, обезумевших от ужаса и запекших солдат и офицеров, все, что осталось от «无敌ной армии» Наполеона.

Также же участь ждет петербургскую грабительницу, либо нет, если одна сторона могла бы поставить перед русским народом на колени, то в не было ли это в какие времена армии, более сплошной вокруг своего Верховного Газзакомакомающего, чем Красная Армия. Наша армия сыплет своим традициями, она учится в великих примерах прошлого.

«...Потомство, более справедливое, не примет поставить Кутузова», — пишет Д. П. Бутурлин, кончая свою записки, — как спасителя отечества, наряду с Порядковым, как если великого полководца — наряду с Суворовым».

Наша армия ведёт сейчас героическую наступление. Её уверенные мастерства впечатляет успехами на полях сражений, с немецко-фашистскими архитекторами. Погубивший опыт отечественной войны не пропал даром: опытные командиры стали дальновидными, опытные, прозорливы. И лучшие из лучших отмечены орденами, в которых собирались все славы русского оружия: орденом Нахимова, орденом Суворова, орденом Кутузова.

Л. Константинов

Ответственный редактор — Д. В. ПОСТНИКОВ.

Зам. ответственного редактора — Ю. А. ЭШМАН.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. Д 3-34-24.

Непринятые рукописи не возвращаются.

№ 93. Издано и печатано 22/II-43 г. Изд. № 157. Формат 72×110 см. 2 п. л. в. п. л. 98 000.

Зал. 230.

Цена 30.000 экз.

Типография газеты «Правды» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.